

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-12>

УДК 331.5

В. Н. Бобков^{а)}, Е. В. Одинцова^{б)}, Е. А. Черных^{в)}^{а, б, в)} Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, г. Москва, Российская Федерация^{а, б, в)} Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Российская Федерация^{а)} <https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>^{б)} <https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>, e-mail: odin_ev@mail.ru^{в)} <https://orcid.org/0000-0002-6970-487X>

Влияние безусловного базового дохода на сферу занятости населения в оценках российских экспертов¹

Дискуссии по поводу роста масштабов неустойчивой (прекаризованной) занятости, безработицы и неравенства на фоне развития цифровых технологий вызвали среди политиков и экономистов интерес к проблематике безусловного базового дохода, востребованность которой была актуализирована в условиях пандемии COVID-19 и ее последствий. В статье впервые представлены результаты проведенных обобщения и систематизации аргументированных мнений российских экспертов относительно безусловного базового дохода, развивающие исследования его инструментария в аспекте потенциального влияния на сферу занятости. Исходными данными исследования стали результаты опроса российских экспертов, проведенного авторами в 2020 г. среди разных групп специалистов. Эти данные были дополнены результатами массовых опросов. Выявлено, что у значительной части российских экспертов существуют опасения, что безусловный базовый доход может негативно повлиять на стимулы к труду и предложение труда. На основе систематизации экспертных оценок построены составляющие научную новизну исследования сценарии потенциального влияния безусловного базового дохода на уровень занятости населения и стимулы к ней, формальную и неформальную занятость, соотношение оплачиваемой и неоплачиваемой работы, рабочего и свободного времени, качество досуга. Результаты исследования могут быть использованы в качестве информационно-аналитического сопровождения государственной политики повышения уровня и качества жизни населения, а также при принятии решений о целесообразности применения инструментария безусловного базового дохода, в том числе в России. Направления будущих исследований связаны с более детальной проработкой влияния безусловного базового дохода на параметры рынка труда с учетом социально-демографических факторов.

Ключевые слова: безусловный базовый доход, экспертный опрос, пилотные эксперименты, занятость, безработица, неустойчивая занятость, неформальная занятость, формальная занятость, оплачиваемая работа, неоплачиваемая работа

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00271.

Для цитирования: Бобков В. Н., Одинцова Е. В., Черных Е. А. Влияние безусловного базового дохода на сферу занятости населения в оценках российских экспертов // Экономика региона. 2022. Т. 18, вып. 1. С. 159-174. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-12>.

¹ © Бобков В. Н., Одинцова Е. В., Черных Е. А. Текст. 2022.

Vyacheslav N. Bobkov ^{a)}, Elena V. Odintsova ^{b)}, Ekaterina A. Chernykh ^{c)}

^{a, b, c)} Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation

^{a, b, c)} Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^{a)} <https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>

^{b)} <https://orcid.org/0000-0002-7906-8520>, e-mail: odin_ev@mail.ru

^{c)} <https://orcid.org/0000-0002-6970-487X>

Impact of Universal Basic Income on Employment According to Russian Experts

The issue of universal basic income (UBI) has been gaining importance due to the growth of precarious employment, unemployment and inequality in the context of the development of digital technologies, especially considering the COVID-19 pandemic and its consequences. The article first presents the generalised and systemised reasoned opinions of Russian experts on UBI in order to examine its potential impact on employment. The initial research data resulted from a survey of different groups of Russian experts conducted by the authors. This information was supplemented by the results of various mass surveys. It was revealed that a significant part of Russian experts have concerns that UBI can negatively affect work incentives and labour supply. The systematisation of expert assessments allowed the research to create scenarios of the potential impact of UBI on population employment and work incentives, formal and informal employment, the ratio between paid and unpaid work, working and free time, the quality of leisure time. The study findings can be used as information and analytical support for the state policies aimed at improving the level and quality of life of the population, as well as making decisions on the appropriateness of UBI tools (including in Russia). Future research will examine in detail the impact of universal basic income on the labour market parameters, taking into account socio-demographic factors.

Keywords: universal basic income, expert survey, pilot experiments, employment, unemployment, precarious employment, informal employment, formal employment, paid work, unpaid work

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, the project No. 20-010-00271.

For citation: Bobkov, V. N., Odintsova, E. V. & Chernykh, E. A. (2022). Impact of Universal Basic Income on Employment According to Russian Experts. *Ekonomika regiona [Economy of regions]*, 18(1), 159-174, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-12>.

Введение

Актуальность введения безусловного базового дохода (ББД) демонстрируют основные проблемные зоны современного рынка труда: безработица (в том числе фрикционная), низкая заработная плата и неустойчивая занятость (Martinelli, 2019). Расширение временных, «нулевых»¹ и других форм неустойчивой занятости сосредоточено в тех сегментах рынка труда, где есть значительные дисбалансы в переговорной силе между работниками и работодателями; по этой причине неустойчивая работа сильно коррелирует с низкой оплатой труда (Taylor et al., 2017). Исследования показывают, что доля неустойчивой работы

в общей занятости продолжает расти² (Mandl, 2020; Bobkov et al., 2020). Концентрация перечисленных проблем среди работников из средних слоев, занятых рутинной работой, может иметь глубокие последствия (Autor, Salomons, 2018; Kurer, Palier, 2019). По мнению исследователей, около половины профессий находятся под риском автоматизации (Acemoglu, Restrepo, 2017; Arntz et al 2016; Frey, Osborne, 2013), а доля труда в добавленной стоимости в долгосрочной перспективе снижается (Dao et al, 2017; Karabarbounis, Neiman, 2014). Согласно ряду исследований, так называемые «рутинные технологические изменения» (*routine-biased technological change*) приводят к эффекту опустошения «средних» профессий и к профессиональной поляризации через относи-

¹ Контракт с нулевым рабочим днем (*Zero-hour contract*) — это тип трудового договора между работодателем и работником, согласно которому работодатель не обязан предоставлять работнику какое-либо минимальное количество рабочих часов.

² OECD Employment Outlook 2020. Worker security and the COVID-19 crisis. Highlights. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=134_134992-5c9paak6j3&title=Employment-Outlook-2020-Highlights&_ga=2.51039727.732339544.1627470965-745221112.1627470965 (Date of access: 28.07.2021).

тельный рост «достойных» и «плохих» рабочих мест (Autor, Dorn, 2013; Cortes et al, 2017), хотя есть авторы, которые эту точку зрения не поддерживают¹ (David, 2021).

Действующие модели социального страхования² были разработаны для стабильных трудовых отношений с полной занятостью. Работающие не по найму, часто меняющие работу или совмещающие самостоятельную и зависимую занятость не вписываются в сложившуюся систему социальной защиты. Как подчеркивает ОЭСР, «рост числа нестандартных работников может снизить эффективность систем социальной защиты» (The Future of Social Protection..., 2018), а Международная организация труда разрабатывает документы по расширению социального страхования на нестандартных работников.³ «Ограниченность» существующих систем социальной защиты населения высветил и коронакризис, спровоцированный COVID-19, для преодоления последствий которого потребовалось введение новых мер для поддержки занятости и обеспечения минимального уровня жизни населения, в том числе потерявшего работу⁴ (Золотов, Золотов, 2020; Social protection responses...

¹ Мифы о роботах: почему цифровизация не приведет к безработице. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/373267-mify-o-robotah-pochemu-cifrovizaciya-ne-privedet-k-bezrabotice> (дата обращения: 28.07.2021).

² Об основах обязательного социального страхования. Федеральный закон № 165-ФЗ от 16 июля 1999 г. В ред. Федеральных законов от 31.12.2002 № 190-ФЗ, от 23.12.2003 № 185-ФЗ, от 05.03.2004 № 10-ФЗ. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/laws/59> (дата обращения: 28.07.2021); World Social Protection Data Dashboards. URL: <https://www.social-protection.org/gimi/WSPDB.action?id=32> (Date of access: 28.07.2021).

³ Распространение социального обеспечения на работников неформальной экономики. Выводы из международного опыта. Руководство к действию. Ноябрь 2019 года. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_747291.pdf (дата обращения: 28.07.2021).

⁴ Financing social protection through the COVID-19 pandemic and beyond. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_814428.pdf (date of access: 28.07.2021); Covid-19 has changed my thinking on universal basic income. URL: <https://www.newstatesman.com/politics/economy/2020/04/covid-19-universal-basic-income-benefits-welfare> (date of access: 28.07.2021); Can Universal Basic Income fix the coronavirus crisis. URL: <https://www.wired.co.uk/article/can-universal-basic-income-fix-the-coronavirus-crisis> (date of access: 28.07.2021); Обзор на тему: «Социальное обеспечение за рубежом в условиях COVID-19». URL: <http://rspp.ru/simplepage/obzor-na-temu-sotsialnoe-obespechenie-za-rubezhom-v-usloviyakh-covid-19/> (дата обращения: 28.07.2021).

2020; Nettle et al, 2021). Данный кризис и его социально-экономические последствия актуализировали тематику ББД, востребованность результатов теоретических и практических исследований позитивных и негативных последствий введения ББД.

В статье представлены результаты исследования, проведенного авторами в развитие теоретических и эмпирических разработок относительно различных аспектов применения инструментария ББД, в котором акцент сделан на их экспертной оценке. Цель исследования заключалась в обсуждении в рамках специально организованного опроса с российскими специалистами инструментария ББД и его потенциального влияния на сферу занятости.

Гипотеза исследования состояла в получении дополнительной аргументации в пользу введения ББД и в отношении потенциальных рисков и негативных последствий различных сценариев возможных трансформаций сферы занятости в связи с установлением этой социальной выплаты.

В данной публикации впервые представлены результаты исследования, позволившего составить палитру мнений российских специалистов, которые были обобщены и систематизированы авторами в сценарии влияния введения ББД на сферу занятости населения по следующим направлениям:

- 1) уровень занятости населения, мотивация и стимулы к ней;
- 2) трансформация формальной и неформальной занятости;
- 3) соотношение оплачиваемой и неоплачиваемой работы;
- 4) соотношение рабочего и свободного времени, качество досуга.

Также была выявлена позиция российских экспертов по вопросу о пилотных проектах по введению в России ББД для категорий населения, уязвимых в сфере занятости.

Учитывая необходимость широкого обсуждения для принятия обоснованных решений относительно целесообразности применения инструментария ББД в России, результаты исследования, представляющие систематизированные оценки широкого круга российских специалистов, способствуют выработке согласованной и взвешенной позиции по данному вопросу в условиях недостаточной проработанности в российских исследованиях проблематики изучения отношения к введению ББД населения и его различных групп и категорий, включая экспертов (Бобков, Одинцова, 2021).

Безусловный базовый доход как объект научных исследований: теоретические и эмпирические аспекты влияния ББД на сферу занятости населения

Накопленная исследовательская практика демонстрирует достаточно широкий спектр анализа проблематики ББД, включая пилотные эксперименты и имитационное моделирование, которые позволяют выявить и оценить возможности, риски, проблемные зоны при введении ББД, в том числе для сферы занятости и рынка труда (Gentilini et al, 2020; Черных, 2019; Бобков и др., 2020). В исследованиях показано, что с точки зрения теоретических положений экономики труда введение ББД, вероятно, снизит количество отработанных индивидом часов и повлияет на само решение работать / не работать. Эффекты могут различаться для работающих и неработающих граждан (Занятость, рынок труда и социально-трудовые отношения..., 2008). Влияние на рынок труда, если рассматривать работающих, будет определяться конфигурацией применяемых схем, социально-демографическими характеристиками работников и пр., принимая во внимание разнонаправленное действие при изменении налогов, субсидий, льгот, эффектов дохода и замещения¹ (Черных, 2019). Для неактивных граждан предоставление ББД взамен пособия, основанного на проверке доходов, может стать стимулом к получению оплачиваемой работы ввиду положительного эффекта независимо от количества часов работы при любом размере заработной платы (Martinelli, 2017).

Как следует из результатов исследования Всемирного банка (Gentilini et al, 2020) и результатов большинства пилотных программ²,

¹ Эффект дохода — изменение количества часов работы в ответ на изменение совокупного дохода при зафиксированной ставке заработной платы и неизменных личных предпочтениях, эффект замещения — изменение соотношения рабочего и свободного времени работника при росте дохода (Занятость, рынок труда и социально-трудовые отношения..., 2008).

² См., например: Empirical Examples/Studies. URL: <https://basicincome.org/research-depository/>; <https://interestingengineering.com/the-15-most-promising-universal-basic-income-trials>; <https://ubiru.org/research/> (date of access: 27.07.2021); Olli Kangas, Signe Jauhainen, Miska Simanainen, Minna Ylikännö (eds.) The Basic Income Experiment 2017–2018 in Finland. Preliminary results. Reports and Memorandums of the Ministry of Social Affairs and Health 2019:9. URL: <http://urn.fi/URN:ISBN:978-952-00-4035-2> (date of access: 27.07.2021); BIG Coalition Namibia. URL: <http://www.bignam.org/Index.html> (date of access: 27.07.2021); SEWA Bharat. A Little More, How Much It Is... Piloting Basic Income Transfers in Madhya

теоретически можно ожидать, что ББД не создаст отрицательных стимулов к труду. К более значимым последствиям может привести изменение налогообложения — повышение ставок подоходного налога для финансирования ББД, и эффекты могут различаться в зависимости от групп работников (Meghir, Phillips, 2010).

Как следует из результатов исследований, изменение налогов не оказывает существенного влияния на количество часов работы для мужчин, тогда как для женщин (особенно женщин с детьми, одиноких матерей) влияние налогообложения и дополнительных выплат является более заметным (Martinelli, 2017). При введении ББД может наблюдаться небольшое уменьшение предложения труда — среди женщин с детьми, среди пожилых и др. (Specianova, 2018).

На стимулы к труду может оказывать влияние размер выплат: при высоком размере ББД (чтобы можно было отказаться от низкооплачиваемой работы) можно ожидать уменьшения количества рабочих часов и рабочих мест, при низком размере ББД (не позволяющем отказаться от работы) — усиления прекаризации для неквалифицированных работников, рост частичной занятости в формальном секторе с отсутствием социальной защиты, рост занятости в неформальном скрытом секторе (Martinelli, 2017).

ББД может приводить к «эффекту перестановки» (Van Parijs, Vanderborcht, 2017), балансировать интересы, с одной стороны, ищущих работу, с другой — работников, желающих работать меньше (Черных, 2019).

Отмечается также, что ББД может обострить для женщин проблемы дискриминации и уязвимости положения на рынке труда (Gheaus, 2008).

Адресные социальные выплаты, как правило, ведут к некоторому увеличению скрытой занятости (сокрытие дополнительного дохода от занятости для получения пособия на основе проверки доходов). Денежные выплаты, предназначенные только для неформальных скрытых работников, могут привести к сдерживанию легализации занятости. Универсальный и безусловный характер ББД может уменьшить этот эффект. Тем не менее, именно эти черты могут создать препятствие для легализации занятости, отделив право на социальную защиту от статуса на рынке труда. Расширение схем

Pradesh. New Delhi: SEWA Bharat and UNICEF India Office, 2014. URL: sewabharat.org/wp-content/uploads/2015/07/Report-on-Unconditional-Cash-Transfer-Pilot-Project-in-Madhya-Pradesh.pdf (date of access: 27.07.2021).

социальной помощи, направленных на охват как официальных, так и скрытых работников, может ослабить стимул к легализации занятости (Gentilini et al, 2020).

Теоретически можно предположить опасность того, что ББД будет способствовать распространению низкой заработной платы через субсидирование неэффективных работодателей, что усилит распространение «плохих» рабочих мест (Martinelli, 2017). Тем не менее, анализ результатов пилотных проектов не показывает существенное влияние ББД на качество работы или размер оплаты труда (Gentilini et al, 2020; Бобков и др., 2020). При этом наблюдается рост частичной занятости, работы на неполный рабочий день и случаев частой смены работы. На масштабы данного эффекта влияет правовое регулирование рынка труда, уровень защиты прав работников и т. д. (Gentilini et al, 2020).

Отталкиваясь от теоретических и эмпирических аспектов влияния ББД на рынок труда, прорабатываемых в зарубежных и российских исследованиях, авторы провели опрос экспертов для изучения и систематизации мнений широкого круга российских специалистов о потенциальных изменениях различных аспектов сферы занятости при введении инструментария ББД.

Данные и методы исследования

Экспертные оценки о влиянии ББД на сферу занятости были получены в ходе организованного в рамках научного проекта «Безусловный базовый доход как регулятор повышения уровня и качества жизни: теоретико-методологическое обоснование, переходные формы и инструментарий для тестирования в России» (№ 20–010–00271) и проведенного при участии авторов в августе–октябре 2020 г. опроса российских экспертов (Бобков, Одинцова, 2021).

Опрос проводился в формате заочного анкетирования. В число экспертов (всего — 52 чел.), которые отбирались с учетом анализа профессионально-квалификационного статуса, научных и исследовательских интересов и практического опыта, вошли представители четырех категорий экспертов (Бобков, Одинцова, 2021):

1) научно-исследовательское сообщество (13 чел.);

2) ведущие вузы (13 чел.) (эксперты из числа заведующие кафедрами, профессорско-преподавательского состава);

3) бизнес-сообщество и профсоюзы (12 чел.) (эксперты из числа высших руководящих лиц, советников руководителя и т. п.);

4) органы государственного и муниципального управления (14 чел.) (эксперты из числа руководителей высшего и среднего уровня, специалистов региональных органов исполнительной власти, городских департаментов).

Группа экспертов включала специалистов из г. Москвы (25 чел.), Воронежской, Нижегородской, Вологодской, Свердловской областей, республик Саха (Якутия), Чувашия и Крым (27 чел.). Экспертов характеризует высокий квалификационный уровень: 28 чел. имеют ученую степень доктора или кандидата наук (Бобков, Одинцова, 2021).

В рамках проведенного опроса экспертов было получено два блока данных. Первый блок составили преимущественно количественные данные, полученные на основе закрытых и полужакрытых вопросов анкеты, а также комментарии экспертов по ряду из вопросов. Они позволили выявить мнения экспертов относительно основных теоретико-методологических аспектов концепции ББД, целесообразности введения ББД в России, актуальных задач для России (первоочередных целей введения ББД, форм реализации, источников финансирования, способов реализации, экспериментов по введению ББД), а также рисков и позитивных эффектов введения ББД, которые были обобщены и представлены в более ранней публикации авторов (Бобков, Одинцова, 2021).

В данной статье представлены результаты анализа второго блока — качественных данных, полученных в ходе анкетирования экспертов, и отражающих их позиции относительно возможного влияния ББД на сферу занятости. В анкете экспертам было предложено в форме открытых вопросов отразить свое мнение по поводу того, каким образом введение ББД может отразиться на уровне занятости и стимулах к ней, на формальной и неформальной занятости, на соотношении оплачиваемой и неоплачиваемой работы и на соотношении рабочего и свободного времени и на качестве досуга. Высказанные позиции экспертов по данным вопросам были проанализированы и систематизированы авторами в рамках четырех направлений в виде сценариев потенциального влияния ББД на исследуемые аспекты занятости с точки зрения его направленности (отрицательное, позитивное и пр.) и содержания (что затронет, в чем будут заключаться изменения и пр.). Для пояснения данных сценариев и их аргументации в статье приводятся цитаты высказанных экспертами мнений, отражающие наиболее распространенные или, напротив, специфиче-

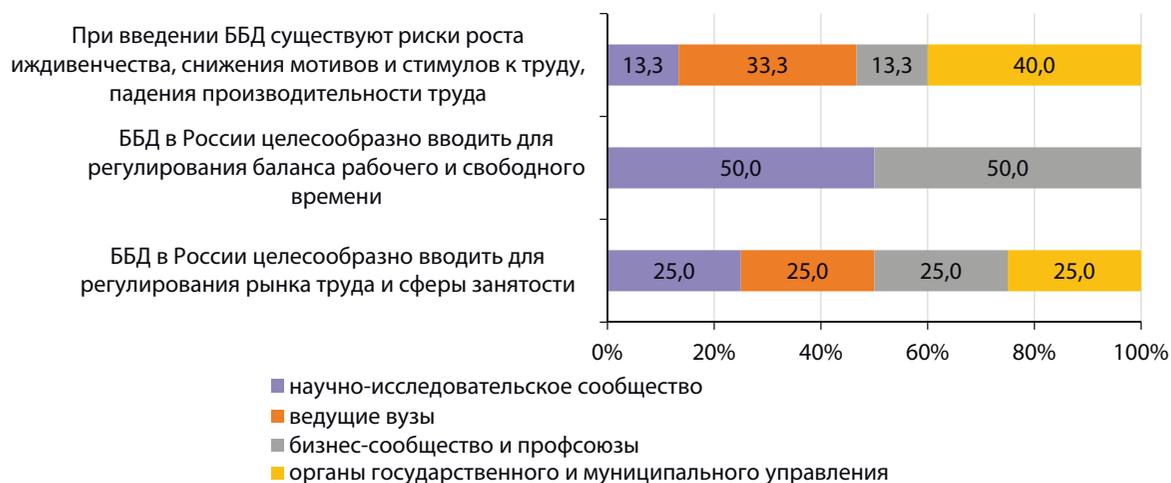

Рис. Распределение мнений экспертов относительно целей введения ББД в России и потенциальных рисков, связанных со сферой занятости, в зависимости от категории экспертов

Fig. Distribution of expert opinions regarding the UBI introduction in Russia and potential risks associated with the sector of employment, depending on the category of experts

ские среди экспертов позиции в рамках тех или иных сценариев.

Основные результаты исследования

Как показали результаты экспертного опроса, российские специалисты не рассматривают ББД как первоочередной инструмент, который целесообразно применять для целей регулирования рынка труда и сферы занятости (данную цель введения ББД поддержали только 38,7 % экспертов от числа ответивших), а также баланса рабочего и свободного времени (12,9 %) (Бобков, Одинцова, 2021). Среди поддержавших необходимость инструментария ББД для регулирования рынка труда и сферы занятости были представлены все категории экспертов (рис.). Целесообразность ББД для регулирования соотношения рабочего и свободного времени отмечалась экспертами из числа научно-исследовательского и бизнес-сообщества, профсоюзов.

По мнению большинства экспертов, в России ББД необходим, прежде всего, для смягчения / преодоления проблемы бедности и социально-экономического неравенства, обеспечения минимального уровня жизни уязвимых категорий населения (более 60–90 %) (Бобков, Одинцова, 2021). Со сферой занятости эксперты довольно часто (около 60 %) связывали потенциальные негативные последствия при введении ББД: рост иждивенчества, снижение мотивов и стимулов к труду, падение производительности труда (Бобков, Одинцова, 2021). Прежде всего, это эксперты из числа ведущих вузов и органов государственного и муниципального управления (рис.).

При оценке потенциального влияния ББД на сферу занятости экспертами были высказаны аргументированные позиции, которые были систематизированы авторами по следующим направлениям.

1. Потенциальное влияние введения ББД на уровень занятости населения, мотивация и стимулы к ней. На основе экспертных оценок, полученных в ходе обсуждения с российскими специалистами посредством опроса, можно выделить три возможных сценария влияния ББД на сферу занятости по данному аспекту.

Первый сценарий определяется тем, что влияние ББД будет иметь потенциально отрицательный характер, то есть приведет к снижению занятости и / или мотивов и стимулов к ней.

Среди экспертов отмечалось, что «*снизится предложение на низкооплачиваемые должности и работу физического труда, низкоквалифицированную, на которую и сейчас довольно высокий спрос при низком предложении рынка*»¹, «*произойдет дисбаланс реальных предложений на низкооплачиваемые и высокооплачиваемые должности*».² Также была высказана точка зрения, что «*...для современных российских реалий, где существует массовая трудовая бедность, введение ББД будет означать резкое вы-*

¹ М. А. Зиновьева, ООО «Би-Консалтинг», финансовый директор.

² В. А. Зимин, генеральный директор Экспертно-аналитической и информационно-рейтинговой компании «ЮНИПРАВЭКС», член Совета Московской торгово-промышленной палаты, председатель Комитета МТПП по проблемам качества и развития деловых услуг, член Российской ассоциации по связям с общественностью.

свобождение рабочих мест с низкими зарплатами. То есть, в первую очередь, это коснется бюджетного сектора экономики».¹

Экспертами отмечались риски увеличения неполной занятости, снижения занятости в низкооплачиваемых секторах экономики, сохранения вакантными низкооплачиваемых рабочих мест, снижения занятости на общественно необходимых, но непопулярных (непрестижных) видах работ, что может привести к росту потребности во внешних мигрантах для их выполнения.

По мнению экспертов, «ББД стимулирует не гнаться за дополнительным доходом, а значит не напрягаться на работе, что плохо скажется как на формальном выполнении задач, так и не на формальной обстановке. Невольно будут возникать конфликты между ответственными и добросовестными работниками и работниками, для которых материальный стимул является приоритетным»², «отрицательно скажется на выполнении рутинных задач».³

Вместе с тем, влияние на эти процессы и их масштабы, по мнению экспертов, будет иметь размер ББД. Достаточный размер ББД может повлиять на стимулы к занятости работников, занятых на низкооплачиваемых местах, также снизить мотивацию к досрочному выходу женщин из декретных отпусков. Кроме того, риски снижения стимулов к труду эксперты видят для тех, кто обладает низкой квалификацией и не могут претендовать на высокооплачиваемую работу.

Некоторые эксперты отмечали также, что введение ББД может стимулировать работодателей к выплате более низкой заработной платы. Высказывалась точка зрения, что введение ББД может усилить проблемы неравенства работников: «...Формирование за счет ББД зоны социальной резервации оживит рынок труда лишь для наиболее активной и агрессивной части населения, обладающей профессиональными компетенциями и стремлением их развивать, оставляя за бортом менее активных и агрессивных соискателей. Неравенство на рынке труда

достигнет невиданного уровня, подстегиваемого трудовой миграцией».⁴

Второй сценарий заключается в том, что влияние ББД будет иметь потенциально позитивный характер. Оно будет заключаться в увеличении занятости «вследствие замещения недостаточно востребованных и низкооплачиваемых рабочих мест, что будет компенсироваться ББД»⁵, «в связи с тем, что у значительного числа работников упадет необходимость работать сверхурочно или на более, чем одной ставке. Эти рабочие места смогут занять другие люди. Известно, что двое, работающих на полторы ставки, лишают работы третьего. При этом, невысокий размер ББД не создаст стимулов к полному иждивенчеству для большинства наших трудолюбивых и добросовестных сограждан»⁶, увеличении численности занятых «за счет сокращения объемов переработок, нацеленных на увеличение заработка. Сокращение переработок — это и фактор мотивирования эффективного труда»⁷, «может способствовать увеличению ставки заработной платы на рынке труда».⁸

Эксперты также указывали на расширение возможностей для занятости: «Возможен рост интереса к сферам занятости, где, по тем или иным причинам, низкий уровень оплаты труда (за счет выплаты ББД)»⁹, «увеличится количество самозанятых граждан и ведущих собственное дело. Больше количество молодых людей будет учиться на сложных профессиях, заниматься наукой и исследованиями».¹⁰ Позитивное влияние ББД на характер занятости связано также с возможностью направить его «на профессиональную переподготовку и устроиться на более оплачиваемую работу»¹¹, «граждане станут более разборчивы в выборе профессии и должности».¹² Введение ББД может способ-

⁴ С. Э. Юрков, к.э.н.

⁵ И. А. Шичкин, к.э.н., РЭУ им. Г. В. Плеханова, доцент.

⁶ С. В. Храмов, Союз профсоюзов России (СПР), генеральный инспектор труда.

⁷ А. В. Золотов, д. э. н., профессор, ННГУ им. Н. И. Лобачевского, зав. кафедрой экономической теории и методологии.

⁸ Эксперт предпочел, чтобы его анкета обрабатывалась анонимно.

⁹ Эксперт предпочел, чтобы его анкета обрабатывалась анонимно.

¹⁰ А. А. Арутюнов, к. ф.-м. н., МФТИ, доцент кафедры высшей математики, сопредседатель Профсоюза «Университетская солидарность».

¹¹ Ю. Д. Квашнин, к. и. н., ИМЭМО РАН, руководитель Центра европейских исследований.

¹² А. А. Арутюнов, к. ф.-м. н., МФТИ, доцент кафедры высшей математики, сопредседатель Профсоюза

¹ Д. В. Трынов, Уральский федеральный университет, старший преподаватель кафедры социологии и технологий ГМУ.

² М. А. Зиновьева, ООО «Би-Консалтинг», финансовый директор.

³ В. А. Зимин, генеральный директор Экспертно-аналитической и информационно-рейтинговой компании «ЮНИПРАВЭКС», член Совета Московской торгово-промышленной палаты, председатель Комитета МТПП по проблемам качества и развития деловых услуг, член Российской Ассоциации по связям с общественностью.

**Сценарии влияния введения ББД на уровень занятости населения, мотивацию и стимулы к ней
в зависимости от категории экспертов**

Table

**Scenarios of the impact of the UBI introduction on employment of the population, work motivation and incentives,
depending on the category of experts**

Сценарий	Категории экспертов, позиции которых соответствуют сценарию*
Первый: влияние ББД будет иметь потенциально отрицательный характер	Преимущественно эксперты из числа представителей ведущих вузов, органов государственного и муниципального управления
Второй: влияние ББД будет иметь потенциально позитивный характер	Преимущественно эксперты из числа представителей ведущих вузов
Третий: влияние ББД будет отсутствовать или будет слабо выраженным	Преимущественно эксперты из числа представителей научно-исследовательского сообщества

* Указаны категории экспертов, представители которых наиболее часто высказывали позиции, соответствующие тому или иному сценарию.

ствовать «росту как горизонтальной, так и вертикальной профессиональной мобильности»¹, «выбору желаемой для человека профессии».² «укрепится позиция работников и их профсоюзных организаций в отношениях с работодателями, в том числе, и в вопросах обеспечения занятости».³

Третий сценарий определяется тем, что влияние ББД будет отсутствовать или будет слабо выраженным, что не в меньшей степени обусловлено размером ББД. Его введение на занятости и стимулах к ней практически не отразится, поскольку ББД «позволит обеспечить минимальный возможный уровень жизни».⁴ Экспертами также высказывалась позиция, что для проявления заметного эффекта от введения ББД «он должен быть достаточным для того, чтобы поддерживать полноценную жизнь, а не существование, семьи из 3–4 человек».⁵ «При условии, что ББД будет удовлетворять минимальные требования, стимулы людей проявятся в обеспечении себя дополнительными важными товарами, услугами, в отсутствии давления нехватки денег и невозможности изменить ситуацию бедности. В таком случае, занятость изменится не сильно. Иждивенческие настроения не будут преобладать. Бедность не рождается в головах, и люди часто сами знают, как выбраться из нее,

но не имеют для этого дополнительных средств, а те, что есть, быстро направляются на вынужденные расходы».⁶

Российские эксперты, как показало исследование, чаще придерживаются первого сценария, то есть ожидают, что влияние ББД на уровень занятости населения, мотивацию и стимулы к ней будет скорее отрицательным. В основном такая позиция характерна для экспертов, представляющих ведущие вузы, а также органы государственного и муниципального управления (табл.).

Среди экспертов отмечалось, что «на начальном уровне может произойти резкое снижение стимулов занятости, высвобождение работников из самых низкооплачиваемых сфер труда и их коллапсирование. В дальнейшем произойдет переориентация работников и работодателей и адаптация всего рынка труда к новым реалиям».⁷

Выявленные по итогам опроса экспертов потенциальные разнонаправленные векторы влияния ББД на уровень занятости населения и стимулы к ней корреспондируются с неоднозначными оценками, которые показывают опросы населения. Результаты Европейского опроса E28TM⁸ подкрепляют аргументацию экс-

«Университетская солидарность».

¹ Т. Н. Демичева, к. э. н., доцент, ННГУ им. Н. И. Лобачевского, кафедра экономической теории и методологии, доцент.

² Эксперт предпочел, чтобы его анкета обрабатывалась анонимно.

³ А. В. Золотов, д. э. н., профессор, ННГУ им. Н. И. Лобачевского, зав. кафедрой экономической теории и методологии.

⁴ Эксперт предпочел, чтобы его анкета обрабатывалась анонимно.

⁵ И. А. Милых, председатель Межрегионального профессионального союза «Новые профсоюзы».

⁶ Р. М. Сейткалиев, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, младший научный сотрудник Центра европейских исследований.

⁷ Д. В. Трынов, Уральский федеральный университет, старший преподаватель кафедры социологии и технологий ГМУ.

⁸ Опросы были проведены в 2016 г. и 2017 г. Dalia Research по репрезентативной выборке из 10 тыс. европейцев из 28 стран ЕС, в том числе относительно ББД, аргументов в пользу и против ББД, его влияния на выбор работы и др. (см.: What do Europeans think about basic income? URL: https://basicincome.org/wp-content/uploads/2016/05/EU_Basic-Income-Poll_Results.pdf (date of access: 02.03.2021); The EUs Growing Support for Basic Income. URL: <https://>

пертов о рисках снижения занятости при введении ББД: 52 % респондентов в 2017 г. (43 % в 2016 г.), ответивших на вопрос «Какие из следующих аргументов против базового дохода вы считаете убедительными?», сообщили, что ББД может подтолкнуть людей бросить работу. Вместе с тем, 37 % респондентов в 2017 г. (34 % в 2016 г.) сообщили, что ББД не повлияет на их решения относительно работы, и только 3 % (4 % в 2016 г.) отметили, что прекратят работать; остальные указали, что станут работать меньше — 8 % (7 % в 2016 г.), будут искать другую работу — 5 % (7 % в 2016 г.), перейдут на фриланс — 4 % (5 % в 2016 г.), будут получать дополнительные навыки — 7 % (10 % в 2016 г.), будут проводить больше времени с семьей — 17 % (15 % в 2016 г.).¹ Опрос россиян, проведенный HeadHunter² в 2017 г., показал, что 51 % респондентов в случае выплаты ББД стали бы учиться и развиваться, 3 % предположили, что перестанут работать, 13 % сменили бы профессию, 18 % стали бы меньше беспокоиться и спокойнее относиться к своей работе. При этом 56 % респондентов назвали главным минусом ББД возможность массового нежелания работать.³ Таким образом, согласно и европейским, и российским опросам, люди более склонны считать, что другие граждане перестанут работать, хотя сами опрошенные лишь в 3–4 % случаев готовы бросить работу.

2. Потенциальное влияние введения ББД на трансформацию формальной и неформальной занятости. Экспертами отмечалось, что «введение ББД будет способствовать более широкому распространению нестандартных форм занятости при одновременном сокращении стандартной занятости. Наибольшее

распространение получат гибкие формы занятости, дистанционная занятость, неполная занятость».⁴ На основе полученных экспертных мнений можно выделить несколько возможных сценариев в части влияния ББД как на формальную и неформальную занятость, так и в аспекте теневой (скрытой) / легальной занятости.

Одна группа экспертов высказались в пользу сценария, в соответствии с которым ББД будет способствовать росту теневой занятости. По мнению данных экспертов (преимущественно из числа органов государственного и муниципального управления, а также ведущих вузов), уход в тень может быть обусловлен желанием скрыть реальный размер трудового дохода, если тот будет учитываться при определении права на ББД. Это также может быть связано с ростом налоговой нагрузки на работающих, который, скорее всего, неизбежен в связи с ростом расходов госбюджета при введении ББД.

Другая группа экспертов (прежде всего, из числа бизнес-сообщества и профсоюзов, ведущих вузов) предположила, что ББД будет способствовать снижению теневой занятости. Данного эффекта при введении ББД, согласно высказанным экспертами оценкам, можно ожидать в отношении тех, «кто ранее сводил концы с концами, обеспечивая себе (своей семье) средства для выживания»,⁵ тех, для кого данная занятость была вынужденной формой занятости и источником дополнительного дохода.

Среди экспертов также аргументировался сценарий, при котором ББД будет способствовать росту неформальной занятости, что будет определяться ростом заинтересованности компаний «в сотрудничестве с работниками на проектной основе, а не в режиме бессрочного трудового договора и полного рабочего дня».⁶

Согласно позиции части экспертов (прежде всего, из числа органов государственного и муниципального управления, научно-исследовательского сообщества, ведущих вузов), влияние ББД будет определяться рядом факторов: потенциальные изменения в сфере формальной / неформальной занятости будут зависеть от задействованного критериального инструментария ББД, например, его размера, степени безусловности, категорий получателей ББД.

basicincome.org/wp-content/uploads/2017/05/DR-2017-survey.pdf (date of access: 28.02.2021).

¹ What do Europeans think about basic income? URL: https://basicincome.org/wp-content/uploads/2016/05/EU_Basic-Income-Poll_Results.pdf (date of access: 02.03.2021); The EUsGrowing Support for Basic Income. URL: <https://basicincome.org/wp-content/uploads/2017/05/DR-2017-survey.pdf> (date of access: 28.02.2021).

² Опрос проведен Службой исследований HeadHunter в 2017 г. среди российских работников (5 тыс. чел.) относительно концепции ББД, возможности ее реализации, положительных и негативных эффектов, его влияния на отношение к работе и др. (см.: Более половины россиян высказались за минимальный гарантированный доход. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/02/2018/5a85a1ce9a79476afca9f8d5> (дата обращения: 26.01.2021)).

³ Более половины россиян высказались за минимальный гарантированный доход. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/02/2018/5a85a1ce9a79476afca9f8d5> (дата обращения: 26.01.2021).

⁴ Эксперт предпочел, чтобы его анкета обрабатывалась анонимно.

⁵ И. А. Шичкин, к. э. н., РЭУ им. Г. В. Плеханова, доцент.

⁶ Эксперт предпочел, чтобы его анкета обрабатывалась анонимно.

Среди экспертов также высказывалась точка зрения, согласно которой *«формальную занятость люди будут использовать как способ накопления подушки. А неформальная занятость позволит реализовать себя в том, что отвергалось в пользу стабильного дохода»*.¹ Развитие неформальной занятости как самодостаточный процесс *«будет набирать обороты вне зависимости от ББД. Да и сама суть организаций, как формы коллективного труда, претерпит в ближайшее время серьезные изменения, которые невозможно пока увязать с проблематикой ББД»*.²

3. Потенциальное влияние введения ББД на соотношение оплачиваемой и неоплачиваемой работы. ББД, по мнению части экспертов из числа научно-исследовательского сообщества, ведущих вузов, бизнес-сообщества и профсоюзов, может способствовать росту волонтерской деятельности, благотворительной деятельности и т. п. Также может быть *«небольшое перераспределение в сторону неоплачиваемой работы в своем домашнем хозяйстве (у отдельных категорий получателей, например, у лиц, живущих в сельской местности, у семей с детьми)»*,³ *«смещение баланса в сторону неоплачиваемой занятости (особенно для женщин — работа по дому, воспитание детей и пр.)»*.⁴

Результаты массовых опросов подтверждают высказанную российскими экспертами позицию о росте волонтерской и благотворительной деятельности при введении ББД. Согласно опросу HeadHunter, россияне связывают с ББД рост числа желающих заняться благотворительностью и волонтерством.⁵ Результаты E28™ показывают, что 29 % опрошенных в 2017 г. (21 % в 2016 г.) считают, что ББД в целом повысит у людей склонность к домашнему труду и волонтерству.⁶

¹ Р. М. Сейткалиев, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, младший научный сотрудник Центра европейских исследований.

² С. Э. Юрков, к. э. н.

³ Эксперт предпочел, чтобы его анкета обрабатывалась анонимно.

⁴ С. В. Мареева, к. с. н., НИУ ВШЭ, зав. Центром стратификационных исследований.

⁵ Более половины россиян высказались за минимальный гарантированный доход. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/02/2018/5a85a1ce9a79476afca9f8d5> (дата обращения: 26.01.2021).

⁶ What do Europeans think about basic income? URL: https://basicincome.org/wp-content/uploads/2016/05/EU_Basic-Income-Poll_Results.pdf (date of access: 02.03.2021); The EUs Growing Support for Basic Income. URL: <https://basicincome.org/wp-content/uploads/2017/05/DR-2017-survey.pdf> (date of access: 28.02.2021).

При этом некоторые из экспертов обратили внимание на потенциальные риски роста неоплачиваемой («принудительной») работы, отмечая что *«рост эксплуатации труда может иметь непредсказуемые высоты. Можно без преувеличения предсказывать формирование новых форм трудового рабства»*.⁷ *«Доля неоплачиваемой работы может увеличиться по инициативе работодателя, убежденного в том, что его работник обладает достаточными доходами (зарплата + ББД) для выполнения неоплачиваемой, сверхурочной работы»*.⁸ *«Есть риск того, что от работников будут требовать выполнения дополнительной работы без оплаты, ссылаясь на то, что государство все равно оплачивает это время за счет ББД»*.⁹

Также было высказано предположение, что *«всегда есть не очень приятная работа, которую люди склонны избегать, но при определенном материальном стимуле соглашаются ее выполнять. При снижении материального стимула, соответственно, снизится уровень желаний (и количество людей), которые готовы были бы выполнять работу не желательную, неприятную. Т. е. придется изыскивать дополнительные стимулы (неоплачиваемые), которые бы сохранили выполняемую работу на прежнем уровне. Это также скажется негативно на структуре организации, внутренней мотивации, атмосфере в коллективе»*.¹⁰

4. Потенциальное влияние введения ББД на соотношение рабочего и свободного времени (досуга). Экспертами были высказаны мнения, обобщенные в три возможных сценария изменений в соотношении рабочего и свободного времени и качества досуга при введении ББД.

При первом, наиболее распространенном сценарии ББД будет способствовать перераспределению рабочего и свободного времени и повышению качества досуга. По мнению части экспертов (прежде всего, из числа научно-исследовательского сообщества и ведущих вузов), высказавшихся в пользу данного сценария, можно ожидать увеличения свободного времени, которое будет направляться на обучение, повышение квалификации, и создания благоприятной атмосферы для творческого

org/wp-content/uploads/2017/05/DR-2017-survey.pdf (date of access: 28.02.2021).

⁷ С. Э. Юрков, к. э. н.

⁸ И. А. Шичкин, к. э. н., РЭУ им. Г. В. Плеханова, доцент.

⁹ Эксперт предпочел, чтобы его анкета обрабатывалась анонимно.

¹⁰ М. А. Зиновьева, ООО «Би-Консалтинг», финансовый директор.

труда, поскольку «досуг людей, которых не угнетает нужда, приобретает характер времени для свободного развития».¹ «Сегодня, чтобы выжить, людям приходится работать на нескольких работах, что не оставляет времени для досуга. Введение ББД расширит возможности для досуга и повышения его качества».²

Структура досуговой деятельности качественно изменится: «Люди будут больше времени проводить вместе со своей семьей и детьми, чаще посещать театры, музеи, выставки, спортивные мероприятия, путешествовать вместо употребления алкогольных напитков и прочего сомнительного времяпровождения. Аутодеструктивное, аддиктивное и девиантное поведение являются следствием низкого уровня жизни, отсутствия возможностей оплачиваемой занятости и каких-либо перспектив в жизни».³ Отмечалось, что «качество досуга сместится в сторону реальных затрат на предоставляемые услуги»;⁴ «повысится доступность дополнительного образования для детей, а также доступность занятий физической культурой и спортом для всех категорий населения».⁵ Качество досуга повысится «за счет снижения стресса»,⁶ дополнительных финансовых ресурсов, которые можно будет направить на организацию досуга.

По мнению одного из экспертов, введение ББД может «в идеале ... привести к равенству времени оплачиваемого труда и времени удовлетворения потребности в труде. Период самоизоляции в связи с распространением коронавируса показал, что в современных условиях население способно качественно использовать свободное время для саморазвития (например, онлайн обучение)».⁷

¹ А. В. Золотов, д. э. н., профессор, ННГУ им. Н. И. Лобачевского, зав. кафедрой экономической теории и методологии.

² О. А. Колесникова, д. э. н., профессор, Воронежский государственный университет, экономический факультет.

³ И. А. Шичкин, к. э. н., РЭУ им. Г. В. Плеханова, доцент.

⁴ В. А. Зимин, генеральный директор Экспертно-аналитической и информационно-рейтинговой компании «ЮНИПРАВЭКС», член Совета Московской торгово-промышленной палаты, председатель Комитета МТПП по проблемам качества и развития деловых услуг, член Российской Ассоциации по связям с общественностью.

⁵ Эксперт предпочел, чтобы его анкета обрабатывалась анонимно.

⁶ С. В. Храмов, Союз профсоюзов России (СПР), генеральный инспектор труда.

⁷ Т. Н. Демичева, к. э. н., доцент, ННГУ им. Н. И. Лобачевского, кафедра экономической теории и методологии, доцент.

Второй «сценарий» определяется тем, что ББД не окажет существенного влияния на перераспределение рабочего и свободного времени и качество досуга. По мнению ряда экспертов, ББД не является достаточным инструментом для качественного изменения ситуации в данном аспекте: этого «надо добиваться другими средствами, например, развитием доступности физкультуры, досуговых мероприятий для низкодоходных групп населения (детские спортивные школы, художественные, технические и пр. кружки и секции)».⁸ «Качество досуга — это, прежде всего, уровень культуры человека. Это вопрос не количества свободного времени и денег, а желания потратить их на тот или иной вид досуга. ... Для качественного досуга необходимо повышать уровень образованности, грамотности населения. А этого можно достичь, направив денежные средства на развитие образования и культуры страны в целом».⁹

Для достижения заметного влияния на распределение времени и качество досуга, как полагают ряд экспертов, необходим большой размер ББД. «...Как такового свободного времени будет столько же, поскольку в России, учитывая ее экономические и финансовые ресурсы, вряд ли удастся ввести ББД настолько высокий, чтобы люди стали отказываться от части работы ради отдыха».¹⁰ «Чтобы досуг стал более качественным, размер ББД должен быть большим, а это практически невозможно осуществить без серьезного налогового давления на средний класс и более обеспеченные слои. При низком размере ББД небольшая доплата вряд ли стимулирует большую часть населения увеличивать свободное время. А те неблагоприятные слои населения, которые готовы жить на небольшую выплату, как раз склонны к зависимостям и непродуктивному досугу».¹¹

Среди экспертов высказывалось мнение, что «высвобождение большего времени на отдых и развлечения не гарантирует приумножение здоровья гражданина, и, таким образом, по-разному будет влиять на производительность его труда. Если рассматривать ББД как стимул к поиску новой работы и росту занятости в целом, то государственные институты регули-

⁸ Эксперт предпочел, чтобы его анкета обрабатывалась анонимно.

⁹ М. А. Зиновьева, ООО «Би-Консалтинг», финансовый директор.

¹⁰ Ю. Д. Квашнин, к. и. н., ИМЭМО РАН, руководитель Центра европейских исследований.

¹¹ Эксперт предпочел, чтобы его анкета обрабатывалась анонимно.

рования занятости должны предусматривать возможность переобучения и трудоустройства граждан согласно технологическим трендам и профессиям будущего».¹

Третий сценарий, аргументированный экспертами, связан с тем, что ББД отрицательно скажется на качестве досуга и качестве труда. Среди экспертов отмечалось, что «с досугом возникнут неразрешимые проблемы. Будут морковать, чем бы заняться. Многие погружаются в виртуальные занятия. Но не все. Лучшие начнут бороться за доступ к продуктивной занятости, за отмену ББД».² «При введении ББД в рамках существующей системы социальных отношений нельзя ожидать развития трудящихся, а значить и говорить о повышении качества досуга также не приходится. Безусловно, соотношение рабочего и свободного времени вырастет в пользу первого. При этом качество труда (рабочего времени) серьезно ухудшится в результате роста эксплуатации».³

5. О пилотных проектах по введению ББД для категорий населения, уязвимых в сфере занятости. По мнению экспертов, в нашей стране целесообразно проведение пилотных экспериментов по реализации инструментария ББД. Как отмечалось, «на данный момент слишком мало информации для обоснованного вывода о вреде или пользе ББД. Как и любая идея, в первом приближении она видится благой, но в точности спрогнозировать социальные последствия и их эффект на все общество сейчас невозможно. Требуется пилотные проекты и их разбор».⁴ Продолжительность таких проектов должна составлять от 1 до 3 лет, а целевые группы должны формироваться по нескольким репрезентативным субъектам. В числе целевых категорий населения для реализации данных проектов, по мнению экспертов, должны быть представлены те группы населения, которые отличаются уязвимым положением в сфере занятости:

1) выпускники вузов и средних профессиональных учебных заведений при переходе от учебы к первому месту работы;

2) неустойчиво занятые (работники, которым вынужденно приходится мириться с потерей части трудовых и социальных гарантий стандартной занятости);

¹ Н. А. Симченко, д. э. н., профессор, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, зав. кафедрой экономической теории.

² Б. В. Ракитский, д. э. н., профессор, Институт перспектив и проблем страны, научный руководитель.

³ С. Э. Юрков, к. э. н.

⁴ Эксперт предпочел, чтобы его анкета обрабатывалась анонимно.

3) зарегистрированные безработные (подробнее результаты представлены в (Бобков, Одинцова, 2021)).

Очевидно, необходимость таких проектов связывается экспертами с возможностью экспериментальной проработки инструментария ББД с учетом имеющихся вызовов в сфере занятости и российской специфики. Пандемия COVID-19 продемонстрировала, что страны в условиях вызванных ею масштабных последствий, в том числе лежащих в сфере рынка труда и занятости, вынуждены были вводить новые меры поддержки, близкие к инструментарию ББД (Золотов, Золотов, 2020).

В этот период в обществе также наблюдался рост поддержки введения ББД (Nettle et al, 2021). В России в докоронакризисный период (2018 г.) 62 % работающего населения поддерживали концепцию ББД,⁵ в период коронакризиса, в том числе роста уровня безработицы (с 4,6 % в 1 квартале 2020 г. до 6,3 % в 3 квартале 2020 г.),⁶ доля поддерживающих идею введения ББД приблизилась к 70 % (лето-осень 2020 г.).⁷ За рубежом в период коронакризиса со стороны граждан также отмечался рост поддержки ББД (в том числе относительно альтернативной системы условных целевых социальных выплат) как простой и эффективной в управлении и администрировании системы, снижающей стресс и беспокойство (Nettle et al, 2021), что закономерно в условиях нестабильности и высоких рисков потери работы, т. е. источников доходов.

Важной частью тестирования инструментария ББД является размер данной выплаты. Как показывают опросы, ожидаемый россиянами уровень выплат в случае введения ББД превышает границу бедности — величину ПМ, и в среднем он увеличился с 25 000 руб. на чел. в месяц в июне 2020 г. до 30 100 руб. на чел. в месяц в июне 2021 г.,⁸ т. е. с 2,2

⁵ Более половины россиян высказались за минимальный гарантированный доход. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/02/2018/5a85a1ce9a79476afca9f8d5> (дата обращения: 26.01.2021).

⁶ Занятость и безработица // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 29.07.2021).

⁷ Россияне назвали свои претензии к уровню базового безусловного дохода. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112882/rossiyane-nazvali-svoi-pretenzii-k-urovnyu-bazovogo-bezuslovnogo-dohoda/> (дата обращения: 29.07.2021).

⁸ Россияне назвали свои претензии к уровню базового безусловного дохода. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112882/rossiyane-nazvali-svoi-pretenzii-k-urovnyu-bazovogo-bezuslovnogo-dohoda/> (дата обращения: 29.07.2021).

до 2,6 ПМ.¹ Причем ожидаемая величина ББД (2021 г.) варьирует в зависимости от места проживания: наиболее высокие запросы показали жители Уфы (Республика Башкортостан) и Воронежа (Воронежская область) — для них ожидаемая величина ББД в 3,1 раза превышает региональную границу бедности (региональный ПМ); наиболее скромные запросы у жителей Москвы (1,9 ПМ) и Новосибирска (Новосибирская область; 2,2 ПМ).² При подготовке к реализации пилотных проектов в разных регионах России вопросы установления размеров выплат требуют дальнейших исследований и согласований для определения того размера ББД, при котором данный инструментарий не потеряет свою эффективность и позволит исключить возможные риски для сферы занятости, в том числе и те, которые, в частности, аргументировались экспертам в ходе опроса.

Заключение

Исследовательская практика (пилотные эксперименты, опросы и пр.) демонстрирует различные векторы влияния ББД на сферу занятости (Gentilini et al, 2020; Черных, 2019; Бобков и др., 2020; Martinelli, 2017; Meghir, Phillips, 2010; Specianova, 2018), обосновывает возможность его применения для решения различных проблем, улучшения уровня и качества жизни разных социально-демографических групп населения. Вместе с тем, отсутствие страновых экспериментов по реализации ББД при комплексном учете его критериальных оснований предопределяет необходимость продолжения широкого обсуждения этой проблематики, в том числе в контексте возможностей, существующих рисков, потенциальных негативных воздействий на сферу занятости и другие социально-экономические аспекты.

Представленные в статье экспертные оценки вносят вклад в развитие обсуждений целесообразности введения ББД, которые в связи с последствиями пандемии COVID-19, в том числе

для рынка труда и сферы занятости, активизировались во многих странах, включая Россию (Золотов, Золотов, 2020; Бобков, Одинцова, 2021). Научную новизну исследования определяет впервые проведенное изучение экспертных оценок широкого круга российских специалистов (научно-исследовательское сообщество и ведущие вузы, бизнес-сообщество и профсоюзы, органы государственного и муниципального управления) трансформации сферы занятости при введении ББД, позволившее систематизировать их в виде сценариев потенциального (позитивного, негативного, нейтрального) влияния по направлениям: уровень занятости населения, мотивация и стимулы к ней, трансформация формальной и неформальной занятости, соотношение оплачиваемой и неоплачиваемой работы и соотношение рабочего и свободного времени, качество досуга. Они расширяют пространство развернувшихся дискуссий, подкрепляя или дополняя теоретические и эмпирические основания концепции и инструментария ББД, определяя практическую значимость полученных результатов для продвижения в рамках широкого обсуждения к взвешенной обоснованной и согласованной позиции по вопросу введения ББД в России. Позволяют более аргументированно оценивать возможности, вызовы и угрозы влияния введения ББД на сферу занятости с учетом особенностей экономики и социально-трудовых отношений в нашей стране, улучшить информационно-аналитическое сопровождение государственной политики повышения уровня и качества жизни населения.

Реализация пилотных проектов по введению ББД позволила бы более предметно оценить плюсы и минусы его инструментария для регулирования проблем, лежащих в сфере занятости, для конкретных социально-демографических групп населения. В числе целевых категорий населения для реализации данных проектов, по мнению экспертов, должны быть представлены те группы населения, которые отличаются наиболее уязвимым положением в сфере занятости: выпускники вузов и средних профессиональных учебных заведений при переходе от учебы к первому месту работы, зарегистрированные безработные и неустойчиво занятые (работники, которым вынужденно приходится мириться с потерей части трудовых и социальных гарантий стандартной занятости) (Бобков, Одинцова, 2021).

Более детальная проработка влияния ББД на параметры рынка труда с учетом социально-демографических факторов определяет направления будущих исследований.

¹ Оценка авторов на основе данных Росстата: Прожиточный минимум // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 29.07.2021).

² Оценка авторов на основе: Россияне назвали свои претензии к уровню базового безусловного дохода. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112882/rossiyane-nazvali-svoi-pretenzii-k-urovnyu-bazovogo-bezuslovnogo-dohoda/> (дата обращения: 29.07.2021); Величина прожиточного минимума в целом по Российской Федерации по субъектам Российской Федерации // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/DRXpJ1gc/vpm2021-new.htm> (дата обращения: 29.07.2021).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Безусловный базовый доход. Критериальные основы, переходные формы и опыт экспериментов по внедрению // В. Н. Бобков, Е. А. Черных, С. А. Золотов, В. В. Павлова // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 84–94. DOI: doi.org/10.31857/S013216250009313-7.

Бобков В. Н., Одинцова Е. В. Российские эксперты о безусловном базовом доходе. Оценки 2020 г. // Уровень жизни населения регионов России. 2021. № 1. С. 67–86. DOI: 10.19181/Isprg.2021.17.1.6.

Занятость, рынок труда и социально-трудовые отношения. Учебно-методическое пособие: практикум / Под ред. П. П. Колосовой, Г. Г. Меликьяна. Москва : Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2008. 458 с.

Золотов А. В., Золотов С. А. Реализация принципов безусловного базового дохода как ответ на вызовы коронавируса // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16, № 4. С. 96–104. DOI: doi.org/10.19181/Isprg.2020.16.4.8.

Черных Е. А. Безусловный базовый доход. Отношение общественного мнения и финансово-экономические аспекты внедрения // Уровень жизни населения регионов России. 2019. Т. 15, № 4. С. 70–84. DOI: doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10083.

Acemoglu D., Restrepo P. Robots and jobs: Evidence from the US. Cambridge : National Bureau of Economic Research. 2017. 91 p.

Arntz M., Gregory T., Zierahn U. The risk of automation for jobs in OECD countries: A comparative analysis. Paris : OECD Publishing, 2016. 34 p. DOI: doi.org/10.1787/5jlz9h56dvq7-en.

Autor D., Dorn D. The growth of low-skill service jobs and the polarization of the US labor market // The American Economic Review. 2013. Vol. 103, No. 5. P. 1553–1597. DOI: doi.org/10.1257/aer.103.5.1553.

Autor D., Salomons A. Is automation labor-displacing? Productivity growth, employment, and the labor share // Brooking Papers in Economic Activity. 2018. Spring. 87 p.

Bobkov V. N., Odintsova E. V., Kovalenko V. V. Precarious Employment Is a Global Problem of Modernity: How Can Its Scale Be Reduced in Russia? // Studies on Russian Economic Development. 2020. No. 31. P. 312–317. DOI: doi.org/10.1134/S107570072003003X.

Cortes G., Jaimovich N., Siu H. Disappearing routine jobs: Who, how, and why? // Journal of Monetary Economics. 2017. Vol. 91. P. 69–87. DOI: doi.org/10.1016/j.jmoneco.2017.09.006.

Exploring Universal Basic Income: A Guide to Navigating Concepts, Evidence, and Practices / U. Gentilini, M. Grosh, J. Rigolini, R. Yemtsov. Washington : World Bank, 2020. 312 p. DOI: doi.org/10.1596/978-1-4648-1458-7.

Frey C., Osborne M. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerization? // University of Oxford. 2013. 72 p.

Gheaus A. Basic Income, Gender Justice and the Costs of Gender-Symmetrical Lifestyles // Basic Income Studies. 2008. Vol. 3, Iss. 3. P. 1–8. DOI: doi.org/10.2202/1932-0183.1134.

Good work: The Taylor review of modern working practices / M. Taylor, G. Marsh, D. Nicol, P. Broadbent. London : Department for Business, Energy & Industrial Strategy, 2017. 115 p.

Karabarbounis L., Neiman B. The global decline of the labor share // The Quarterly Journal of Economics. 2014. Vol. 129, iss. 1. P. 61–103. DOI: doi.org/10.1093/qje/qjt032.

Kurer T., Palier B. Shrinking and shouting: the political revolt of the declining middle in times of employment polarization // Research and Politics. 2019. Vol. 6, iss. 1. P. 1–6. DOI: doi.org/10.1177/2053168019831164.

Mandl I. New forms of employment: 2020 update. Eurofound. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2020. 64 p. DOI: doi.org/10.2806/177981.

Martinelli L. Basic Income, Automation, and Labour Market Change // Institute for Policy Research, University of Bath, 2019. 68 p.

Martinelli L. Exploring the Distributional and Work Incentive Effects of Plausible Illustrative Basic Income Schemes // Institute for Policy Research, University of Bath, 2017. 67 p.

Meghir C., Phillips D. Labour Supply and Taxes // Dimensions of Tax Design: The Mirrlees Review / Adam S. et al. (eds.) New York : Oxford University Press, 2010. P. 202–274.

Social protection responses to the Covid-19 crisis. Country responses and policy considerations. Social Protection Spotlight. ILO Brief. Geneva : ILO, 2020. 8 p.

Specianova J. Labor Supply Elasticity in the Unconditional Basic Income System: Data Sources and Methodological Issues // European Scientific Journal. 2018. Vol. 14, No. 4. P. 13–29. DOI: doi.org/10.19044/esj.2018.v14n4p13.

The Future of Social Protection: What Works for Non-Standard Workers? Paris : OECD Publishing, 2018. 228 p. DOI: doi.org/10.1787/9789264306943-en.

van Parijs Ph., Vanderborght Y. Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 2017. 400 p.

Wadley D. Technology, Capital Substitution and Labor Dynamics: Global Workforce Disruption in the 21st Century? // Futures. 2021. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0016328721001117> (accessed: 28.07.2021). DOI: doi.org/10.1016/j.futures.2021.102802.

Why has the COVID-19 pandemic increased support for Universal Basic Income? / D. Nettle, E. Johnson, M. Johnson, R. Saxe // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2021. Vol. 8. Article no. 79. DOI: doi.org/10.1057/s41599-021-00760-7.

Why is Labor Receiving a Smaller Share of Global Income? Theory and Empirical Evidence / M. Dao, M. Das, Z. Koczan, W. Lian // *International Monetary Fund*. 2017. 72 p.

References

Acemoglu, D. & Restrepo, P. (2017). *Robots and jobs: Evidence from the US*. Cambridge: National Bureau of Economic Research, 91.

Arntz, M., Gregory, T. & Zierahn, U. (2016). *The risk of automation for jobs in OECD countries: A comparative analysis*. Paris: OECD Publishing, 34. DOI: doi.org/10.1787/5jlz9h56dvq7-en.

Autor, D. & Dorn, D. (2013). The growth of low-skill service jobs and the polarization of the US labor market. *The American Economic Review*, 103(5), 1553–1597. DOI: doi.org/10.1257/aer.103.5.1553.

Autor, D. & Salomons, A. (2018). *Is automation labor-displacing? Productivity growth, employment, and the labor share*. *Brooking Papers in Economic Activity*, Spring, 87.

Bobkov, V. N. & Odintsova, Y. V. (2021). Russian Experts on Universal Basic Income: Estimates for 2020. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*, 17(1), 67–86. DOI: 10.19181/Ispr.2021.17.1.6.

Bobkov, V. N., Chernykh, E. A., Zolotov, S. A. & Pavlova, V. V. (2020). Unconditional Basic Income: Criterial Bases, Transitional Forms and Experimental Implementations. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 10, 84–94. DOI: doi.org/10.31857/S013216250009313-7.

Bobkov, V. N., Odintsova, E. V. & Kovalenko, V. V. (2020). Precarious Employment Is a Global Problem of Modernity: How Can Its Scale Be Reduced in Russia? *Studies on Russian Economic Development*, 31, 312–317. DOI: doi.org/10.1134/S107570072003003X.

Chernykh, E. A. (2019). Unconditional Basic Income: Public Opinion Attitude and Financial and Economic Aspects of Implementation. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*, 15(4), 70–84. DOI: doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10083.

Cortes, G., Jaimovich, N. & Siu, H. (2017). Disappearing routine jobs: Who, how, and why? *Journal of Monetary Economics*, 91, 69–87. DOI: doi.org/10.1016/j.jmoneco.2017.09.006.

Dao, M., Das, M., Koczan, Z. & Lian, W. (2017). *Why is Labor Receiving a Smaller Share of Global Income? Theory and Empirical Evidence*. *International Monetary Fund*, 72.

Frey, C. & Osborne, M. (2013). *The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerization?* *University of Oxford*, 72.

Gentilini, U., Grosh, M., Rigolini, J. & Yemtsov, R. (2020). *Exploring Universal Basic Income: A Guide to Navigating Concepts, Evidence, and Practices*. Washington: World Bank, 312. DOI: doi.org/10.1596/978-1-4648-1458-7.

Gheaus, A. (2008). Basic Income, Gender Justice and the Costs of Gender-Symmetrical Lifestyles. *Basic Income Studies*, 3(3), 1–8. DOI: doi.org/10.2202/1932-0183.1134.

Karabarbounis, L. & Neiman, B. (2014). The global decline of the labor share. *The Quarterly Journal of Economics*, 129(1), 61–103. DOI: doi.org/10.1093/qje/qjt032.

Kolosova, R. P. & Melikyan, G. G. (Eds.). (2008). *Zanyatost, rynek truda i sotsialno-trudovye otnosheniya. Uchebno-metodicheskoe posobie: praktikum [Employment, labor market and social and labor relations. Training manual: practical training]*. Moscow: Faculty of Economics of Moscow State University, TEIS, 458.

Kurer, T. & Palier, B. (2019). Shrinking and shouting: the political revolt of the declining middle in times of employment polarization. *Research and Politics*, 6(1), 1–6. DOI: doi.org/10.1177/2053168019831164.

Mandl, I. (2020). *New forms of employment: 2020 update*. Eurofound. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 64. DOI: doi.org/10.2806/177981.

Martinelli, L. (2017). *Exploring the Distributional and Work Incentive Effects of Plausible Illustrative Basic Income Schemes*. Institute for Policy Research, University of Bath, 67.

Martinelli, L. (2019). *Basic Income, Automation, and Labour Market Change*. Institute for Policy Research, University of Bath, 68.

Meghir, C. & Phillips, D. (2010). Labour Supply and Taxes. In: *S. Adam et al. (Eds.), Dimensions of Tax Design: The Mirrlees Review* (pp. 202–274). New York: Oxford University Press.

Nettle, D., Johnson, E., Johnson, M. & Saxe, R. (2021). Why has the COVID-19 pandemic increased support for Universal Basic Income? *Humanities and Social Sciences Communications*, 8, 79. DOI: doi.org/10.1057/s41599-021-00760-7.

Social protection responses to the Covid-19 crisis. Country responses and policy considerations. (2020). Social Protection Spotlight. ILO Brief. Geneva: ILO, 8.

Specianova, J. (2018). Labor Supply Elasticity in the Unconditional Basic Income System: Data Sources and Methodological Issues. *European Scientific Journal*, 14(4), 13–29. DOI: doi.org/10.19044/esj.2018.v14n4p13.

Taylor, M., Marsh, G., Nicol, D. & Broadbent, P. (2017). *Good work: The Taylor review of modern working practices*. London: Department for Business, Energy & Industrial Strategy, 115.

The Future of Social Protection: What Works for Non-Standard Workers? (2018). Paris: OECD Publishing, 228. DOI: doi.org/10.1787/9789264306943-en.

van Parijs, Ph. & Vanderborght, Y. (2017). *Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 400.

Wadley, D. (2021). *Technology, Capital Substitution and Labor Dynamics: Global Workforce Disruption in the 21st Century?* *Futures*. 2021. Retrieved from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0016328721001117> DOI: doi.org/10.1016/j.futures.2021.102802. (Date of access: 28.07.2021)

Zolotov, A.V. & Zolotov, S. A. (2020). Realization of the UBI Principles As An Answer to the COVID-19 Challenges. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*, 16(4), 96–104. DOI: doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.4.8.

Информация об авторах

Бобков Вячеслав Николаевич — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН; директор, Научный центр экономики труда, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова; Scopus Author ID: 55960509800; <https://orcid.org/0000-0001-7364-5297> (Российская Федерация, 117218, Москва, Нахимовский пр-кт, 32; 117997, Москва, Стремянный пер., 36; e-mail: bobkovvn@mail.ru).

Одинцова Елена Валерьевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория проблем уровня и качества жизни, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН; ведущий научный сотрудник, Научный центр экономики труда, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова; Scopus Author ID: 57190408814; <https://orcid.org/0000-0002-7906-8520> (Российская Федерация, 117218, Москва, Нахимовский пр-кт, 32; 117997, Москва, Стремянный пер., 36; e-mail: odin_ev@mail.ru).

Черных Екатерина Алексеевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория проблем уровня и качества жизни, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН; ведущий научный сотрудник, Научный центр экономики труда, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова; <https://orcid.org/0000-0002-6970-487X> (Российская Федерация, 117218, Москва, Нахимовский пр-кт, 32; e-mail: chernykh.ekaterina108@gmail.com).

About the authors

Vyacheslav N. Bobkov — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Head of the Laboratory for Issues of the Standards and Quality of Life, Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS; Director, Research Center of Labour Economics, Plekhanov Russian University of Economics; Scopus Author ID: 55960509800; <https://orcid.org/0000-0001-7364-5297> (32, Nakhimovskiy Ave., Moscow, 117218; 36, Stremyannyy Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: bobkovvn@mail.ru).

Elena V. Odintsova — Cand. Sci. (Econ.), Leading Research Associate, Laboratory for Issues of the Standards and Quality of Life, Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS; Leading Research Associate, Research Center of Labour Economics, Plekhanov Russian University of Economics; Scopus Author ID: 57190408814; <https://orcid.org/0000-0002-7906-8520> (32, Nakhimovskiy Ave., Moscow, 117218; 36, Stremyannyy Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: odin_ev@mail.ru).

Ekaterina A. Chernykh — Cand. Sci. (Econ.), Leading Research Associate, Laboratory for Issues of the Standards and Quality of Life, Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS; Leading Research Associate, Research Center of Labour Economics, Plekhanov Russian University of Economics; <https://orcid.org/0000-0002-6970-487X> (32, Nakhimovskiy Ave., 117218, Moscow, Russian Federation; e-mail: chernykh.ekaterina108@gmail.com).

Дата поступления рукописи: 18.05.2021.

Прошла рецензирование: 27.07.2021.

Принято решение о публикации: 24.12.2021.

Received: 18 May 2021.

Reviewed: 27 Jul 2021.

Accepted: 24 Dec 2021.